

Презренная или несчастная Из театральных баек

Мой отец — кинодраматург Григорий Яковлевич Колтунов — знал множество театральных баек и замечательно их рассказывал. Часть из них он знал понаслышке. Но многие истории прошли перед его глазами. Ведь в молодости он был связан с театрами, особенно тесно с оперным, поскольку был, с одной стороны, страстным любителем оперы (по образованию отец — дирижер), с другой — в ранней юности он подвизался статистом на сцене оперного театра в оперных и балетных спектаклях.

Одна из таких баек мне вспомнилась в связи с юбилеем народной артистки России Людмилы Максаковой, который показывали по одной из программ телевидения. Дело в том, что мать Л. Максаковой — Мария Петровна Максакова (урожденная Сидорова), замечательный голос которой — меццо-сопрано — помнит старшее поколение (Мария Максакова была непревзойденной Кармен), была женой и ученицей Максимилиана Карловича Максакова (настоящее имя и фамилия Макс Шварц) — провинциального певца и антрепренера, режиссера и вокального педагога. У Максакова был очень красивый бархатный баритон. Как-то по радио я слышала передачу о Максакове, в которой проигрывали его пластинки. Голос был и вправду красивейший, его не могло скрыть ни несовершенство записи, ни шипение старой, возможно даже граммофонной, пластинки. Но оно не могло также скрыть забавной провинциальной аффектации произношения и... грассирующей картавости. Возможно, эта картавость помешала Максакову петь на столичных сценах. Ведь, несмотря на черту оседлости, в дореволюционной России, в Петербурге и Москве пело немало выдающихся певцов иудейского происхождения. Почему дореволюционной? Максаков родился в позапрошлом веке, в 1869 г. Он был старше своей жены и ученицы на целых 33 года.

История, которую любил рассказывать отец, связана с гастролью Максимилиана Максакова в Одессе. Думается, что это было где-нибудь в первой половине 20-х годов прошлого столетия. Для гастроли Максаков выбрал партию эфиопского царя Амонасро в вердиевской "Аиде". Кульминация партии Амонасро приходится на III акт в сцене у Нила, когда царь убеждает Аиду склонить своего возлюбленного, египетского полководца Радамеса, к измене. Аида колеблется, возражает, и тогда темпераментный Амонасро-Максаков выкрикивает ей обвинение (естественно, "выкрики-

вает" вокально, но вокальная фраза заканчивается на очень высокой для баритона ноте): *"Не дочь ты мне больше! Ты фараона раба презренная!"*.

А теперь представьте, как звучит эта фраза у Максакова: *"Не дочь ты мне больше! Ты фа-г-аона г-аба пг-ез-г-енная!"*. Зал покатился со смеху. Послышались крики: "Браво, Максаков, би-ис!". Пришлось певцу еще раз повторить эту злополучную фразу. Снова смех и крики "би-ис!". На третий раз певец бисировал, взяв без слов только последнюю высокую ноту (в традициях дореволюционного театра и в первые послереволюционные годы бисирование одной ноты было на провинциальной сцене в порядке вещей).

На следующий день театр был полон. Оперу слушали невнимательно, ждали сцены у Нила. Начался спор между Амонасро и Аидой. Зал сидит молча, предвкушая злосчастную фразу. Вот спор между отцом и дочерью достигает апогея. Максаков-Амонасро даже подходит ближе к авансцене и... *"Не дочь ты мне больше! Ты властелина слуга несчастная!!!"*. И показав залу кукиш, певец снова входит в образ своего героя.

Буря аплодисментов, переходящих, действительно, в овацию. Эту историю одесситы помнили долго. Помнил ее и мой отец и очень любил рассказывать, когда речь заходила о театральных байках.

